

2026, № 05 (май)

Раздел 5.8. Педагогика

ART 261127

DOI: 10.24412/2304-120X-2026-11127

УДК 378.14

Деонтология юриста в цифровую эпоху:
трансформация этических императивов
и риски дегуманизации юридической профессии

Legal Deontology in the Digital Age:
Transformation of Ethical Imperatives
and Risks of Dehumanization of the Legal Profession

Автор статьи

Ланг Петр Петрович,
доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-го и арбитражного процесса ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», г. Самара, Российская Федерация
petr.lang@mail.ru
ORCID: 0009-0006-0923-1368

Author of the article

Petr P. Lang,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Department of Civil and Arbitration Procedure, Samara State University of Economics, Russian Federation
petr.lang@mail.ru
ORCID: 0009-0006-0923-1368

Конфликт интересов

Конфликт интересов не указан

Conflict of interest statement

Conflict of interest is not declared

Для цитирования

Ланг П. П. Деонтология юриста в цифровую эпоху: трансформация этических императивов и риски дегуманизации юридической профессии // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2026. – № 05. – С. 392–408. – URL: <https://e-koncept.ru/2026/261127.htm> – DOI: 10.24412/2304-120X-2026-11127

For citation

P. P. Lang, Legal Deontology in the Digital Age: Transformation of Ethical Imperatives and Risks of Dehumanization of the Legal Profession // Scientific-methodological electronic journal "Koncept". – 2026. – No. 05. – P. 392–408. – URL: <https://e-koncept.ru/2026/261127.htm> – DOI: 10.24412/2304-120X-2026-11127

Поступила в редакцию <i>Received</i>	01.03.26	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	13.04.26
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	13.04.26	Опубликована <i>Published</i>	31.05.26

Аннотация

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена глубинной трансформацией юридической профессии под воздействием современных цифровых технологий, когда традиционные этические регуляторы профессиональной деятельности юриста утрачивают свою безусловную нормативную силу, уступая место новым, еще не до конца осмысленным формам осуществления юридической профессии. Стремительное внедрение алгоритмических систем в правоприменительную практику и юридическое образование создают беспрецедентные вызовы для профессиональной деонтологии, требующие философско-правового осмысления самой возможности сохранения «человекоцентричного» измерения юридической деятельности в условиях нарастающей алгоритмизации. Цель настоящего исследования заключается в выявлении сущностных характеристик трансформации этических императивов профессиональной деятельности юриста в цифровую эпоху и концептуализации рисков дегуманизации юридической профессии, порождаемых этой трансформацией. Ведущими подходами к исследованию проблемы выступают междисциплинарный подход, позволяющий интегрировать достижения юридической науки, этики и философии технологии, а также герменевтический подход, ориентированный на истолкование смысловых трансформаций базовых деонтологических категорий и явлений в новом цифровом пространстве. Основные результаты исследования заключаются в обосновании тезиса о том, что цифровая трансформация права порождает принципиально новую конфигурацию профессионального действия юриста, в рамках которой традиционные императивы беспристрастности, независимости и верности профессиональному долгу дополняются требованием сохранения человеческого измерения правосудия и ответственного противостояния алгоритмической редукции правовой реальности. В исследовании выявлены ключевые риски дегуманизации юридической профессии, среди которых особое значение приобретают утрата эмпатической составляющей профессии юриста, подмена профессионального суждения алгоритмическим решением и размывание персональной ответственности юриста за результаты его профессиональной деятельности. Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в развитие концептуальных оснований профессиональной этики юриста в условиях цифровой трансформации права и государства. Практическая значимость связана с возможностью использования полученных выводов при разработке образовательных программ подготовки юристов и этических кодексов юридического сообщества, учитывающих новые вызовы цифровой эпохи.

Ключевые слова

деонтология юриста, цифровая эпоха, юридическое образование, этические императивы, дегуманизация юридической профессии, профессиональная этика юриста, искусственный интеллект в праве, алгоритмизация правосудия, человеческое достоинство, правовая реальность, трансформация юридической деятельности, ответственность юриста, цифровая этика

Благодарности

Автор считает необходимым выразить глубокую признательность коллективу кафедры гражданского и арбитражного процесса Самарского государственного экономического университета за профессионально выполненные рецензии и содержательные рекомендации, которые были сформулированы в процессе обсуждения материалов настоящего исследования.

Abstract

The relevance of the research problem is due to the profound transformation of the legal profession under the influence of modern digital technologies, when traditional ethical regulators of a lawyer's professional activity lose their unconditional normative force, giving way to new, not yet fully understood forms of the legal profession. The rapid introduction of algorithmic systems into law enforcement practice and legal education poses unprecedented challenges for professional deontology, requiring a philosophical and legal understanding of the very possibility of preserving the "human-centered" dimension of legal activity in the context of increasing algorithmization. The aim of this study is to identify the essential characteristics of the transformation of the ethical imperatives of legal practice in the digital era and to conceptualize the risks of dehumanization of the legal profession that this transformation entails. The leading approaches to the research problem are an interdisciplinary approach, which allows for the integration of the achievements of legal science, ethics, and the philosophy of technology, as well as a hermeneutical approach, which focuses on interpreting the meaning transformations of basic deontological categories and phenomena in the new digital space. The main results of the research are the justification of the thesis that the digital transformation of law creates a fundamentally new configuration of a lawyer's professional activity, where traditional imperatives of impartiality, independence, and loyalty to professional duty are complemented by the requirement to preserve the human dimension of justice and to responsibly confront the algorithmic reduction of legal reality. The study identifies key risks of dehumanization of the legal profession, including the loss of the empathic component of the lawyer's profession, the substitution of professional judgment with algorithmic decision-making, and the erosion of the lawyers' personal responsibility for the results of their professional activity. The theoretical significance of the research lies in its contribution to the development of the conceptual foundations of lawyer's professional ethics in the context of the digital transformation of law and the state. The practical significance lies in the possibility of using the findings in the development of educational programs for training lawyers and ethical codes for the legal community that take into account the new challenges of the digital era.

Key words

legal deontology, digital era, legal education, ethical imperatives, dehumanization of the legal profession, professional ethics of a lawyer, artificial intelligence in law, algorithmization of justice, human dignity, legal reality, transformation of legal activity, responsibility of a lawyer, digital ethics

Acknowledgements

The author considers it necessary to express deep gratitude to the staff of the Department of Civil and Arbitration Procedure at Samara State University of Economics for their professional reviews and meaningful recommendations, which were formulated during the discussion of the materials of this research.

Введение / Introduction

Проблема сохранения человеческого измерения юридической профессии в условиях стремительной цифровизации всех сфер общественной жизни приобретает сегодня особую остроту и актуальность. Проникновение алгоритмических систем в правоприменительную практику, автоматизация рутинных юридических процедур, внедрение элементов искусственного интеллекта в процессы принятия правовых решений ставят перед юридическим сообществом принципиальные вопросы о том, что остается от профессии юриста, когда из нее последовательно исключаются ее технологически воспроизводимые компоненты. Данные вопросы, по мнению автора публикации, имеют не только прагматическое, но и глубокое этическое измерение, поскольку касаются самой возможности сохранения тех ценностных оснований профессии юриста, которые на протяжении столетий определяли ее социальную миссию и культурное значение.

Традиционная деонтология юриста формировалась в условиях, когда основным носителем правовой реальности выступал человек – судья, адвокат, прокурор, нотариус, чье профессиональное суждение, нравственное чувство и личная ответственность составляли неотъемлемую часть правоприменительного процесса. Эмпатия, способность к пониманию уникальной человеческой ситуации, готовность принять решение, руководствуясь не только буквой закона, но и его духом, – все эти качества рассматривались не как дополнение к профессиональным компетенциям, а как их сущностная характеристика. Сегодня, когда машинные алгоритмы (в том числе системы ИИ) демонстрируют способность с высокой точностью прогнозировать судебные решения, обрабатывать огромные массивы правовой информации и даже формулировать юридические документы, вопрос о том, сохраняется ли необходимость в человеческом присутствии в праве, перестает быть риторическим.

Теоретическая значимость обращения к проблеме деонтологии юриста в цифровую эпоху определяется необходимостью концептуального осмысления тех изменений, которые претерпевает сама природа профессионального долга юриста под влиянием технологической трансформации правовой реальности. Традиционные этические категории, выработанные юридической культурой предшествующих столетий, требуют сегодня нового прочтения, учитывающего как принципиальную новизну возникающих ситуаций морального выбора, так и сохраняющуюся ценность тех гуманистических оснований, на которых строилась отечественная и европейская правовая традиция.

Практическая значимость исследования определяется острой потребностью юридического образования и практики в выработке этически выверенных стратегий взаимодействия человека и машинного алгоритма в правовой сфере. Подготовка будущих юристов должна включать формирование способности к рефлексивному осмыслению новых этических дилемм, порождаемых цифровой трансформацией общества и государства. Без такого осмысления, по мнению автора публикации, существует реальная опасность того, что юридическая профессия утратит свое человеческое лицо, превратившись в придаток безличных алгоритмических систем.

Обзор литературы / Literature review

Проблематика трансформации этических оснований юридической профессии в цифровую эпоху привлекает все более пристальное внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей, представляющих различные дисциплинарные и методологические подходы. Формирующееся поле исследований отличается заметной

междисциплинарностью, что вполне соответствует сложности и многомерности самого феномена деонтологической трансформации юридической профессии.

В отечественной научной литературе последних лет особого внимания заслуживают работы Е. А. Коваль и М. Д. Мартыновой [1], посвященные трансформации моральных норм и ценностей в эпоху больших данных (BIG-DATA). Их исследование содержит глубокий анализ того, как технологии работы с большими данными актуализируют вопросы моральной автономии личности и изменяют конфигурацию базовых этических категорий. Авторы убедительно показывают, что деонтологические теории сталкиваются с серьезным вызовом в условиях, когда алгоритмическим системам начинает делегироваться право принимать решения в ситуациях морального выбора, что напрямую соотносится с проблематикой профессиональной этики юриста. Особую ценность представляет вывод исследователей о том, что «гиперподталкивание» к благу, осуществляемое технологическими инструментами, может иметь сомнительную пользу для нравственного совершенствования личности, излишне доверчиво делегирующей этим инструментам право морального выбора. Значительный вклад в разработку проблематики профессиональной этики юриста вносят исследования, выполненные в рамках научной школы Средне-Волжского института Всероссийского государственного университета юстиции, где последовательно развивается линия на осмысление этико-философских оснований правовой деятельности в условиях цифровой трансформации.

Не менее значимый вклад в осмысление заявленной проблематики вносят исследования, в которых деонтологические аспекты юридической профессии рассматриваются сквозь призму фундаментальных изменений, происходящих в самой природе правового регулирования и правосознания. В этом ряду особого внимания заслуживает позиция А. В. Полякова [2], который в своих трудах, посвященных коммуникативной теории права, последовательно отстаивает тезис о том, что правовая реальность не может быть сведена к совокупности текстов и норм, но включает в себя живые человеческие взаимодействия, intersubjective смыслы и ценностные переживания. Его рассуждения о том, что машинная алгоритмизация правовой коммуникации неизбежно обедняет ее, лишая тех смысловых измерений, которые доступны лишь живому человеческому сознанию, имеют прямое отношение к пониманию границ технологической трансформации юридической деятельности.

Существенное значение для разработки теоретических оснований деонтологии юриста в новых условиях имеют труды И. Л. Честнова [3], развивающего постклассическую методологию правоведения. Автор убедительно показывает, что правовая реальность конструируется в процессах социального взаимодействия и не может быть адекватно понята вне контекста человеческой телесности, эмоциональности и повседневного опыта. Такая теоретическая установка позволяет увидеть, что попытки заместить человеческое правоприменение алгоритмическим неизбежно сталкиваются с принципиальной невозможностью алгоритмической репрезентации тех измерений правовой жизни, которые связаны с человеческой субъективностью. В контексте исследуемой проблемы нельзя обойти вниманием работы В. И. Крусса [4], посвященные концепции конституционализации правопользования и защите человеческого достоинства. Исследователь обоснованно указывает на то, что цифровая трансформация создает новые угрозы для достоинства личности, которые не всегда могут быть адекватно осмыслены в категориях традиционных правовых институтов. Его размышле-

ния о необходимости формирования новых конституционных гарантий, обеспечивающих защиту человека от алгоритмического произвола, задают важный вектор для развития деонтологических представлений.

Значительный интерес представляют работы А. Э. Евстратова [5], в которых анализируются проблемы реализации и защиты прав человека в условиях цифровизации. Автор последовательно акцентирует внимание на том, что технологические инновации, при всей их полезности, не должны становиться основанием для отказа от фундаментальных принципов правовой защиты личности. Данный вывод непосредственно соотносится с проблематикой сохранения человеческого измерения юридической профессии, поскольку именно юрист выступает тем субъектом, который призван обеспечивать реализацию этих принципов в конкретных жизненных ситуациях. Особого упоминания заслуживают исследования А. В. Малько [6], посвященные правовой политике и правовым стимулам в условиях цифровой трансформации. Автор указывает на то, что формирование новых технологических реалий требует переосмысления многих устоявшихся представлений о механизмах правового регулирования, но при этом не должно вести к утрате ценностных ориентиров правовой политики, среди которых центральное место занимает защита прав и свобод человека. Такая позиция, по мнению автора публикации, позволяет увидеть деонтологическую проблематику в более широком контексте правовой политики государства.

Отечественная правовая мысль также демонстрирует существенную глубину проработки рассматриваемой проблематики. В частности, в исследованиях В. В. Денисенко [7], посвященных кризису легитимности в условиях цифровизации, сквозь призму доверия к правовым институтам анализируется феномен алгоритмизации правоприменительной деятельности. Автором убедительно доказывается, что одна лишь технологическая эффективность не способна служить достаточным основанием легитимности права; для сохранения последней необходимо удержание тех символических и ценностных аспектов, которые конституируют право как явление культуры, а не сводят его к инструменту социального контроля. Данный вывод напрямую проецируется на понимание социальной функции юридической профессии. В свою очередь, работы С. В. Моисеева [8] представляются существенно значимыми для осмысления этических коллизий, возникающих при взаимодействии человека и искусственного интеллекта в юридическом поле. Исследователем предпринята попытка концептуализации обновленных этических принципов, призванных регулировать функционирование алгоритмических систем. Как справедливо указывает автор, традиционные этические кодексы зачастую оказываются неспособны предложить релевантные ответы на вызовы, порождаемые современными технологиями, что обуславливает необходимость их дополнения с учетом специфики алгоритмического принятия решений. Эта исследовательская линия непосредственно смыкается с проблематикой трансформации деонтологических императивов.

В трудах Д. П. Осипова [9], обращенных к вопросам цифровой этики и правового регулирования искусственного интеллекта, фокус исследовательского внимания сосредоточен на проблеме сохранения человеческого контроля над алгоритмическими системами. Ученый последовательно отстаивает тезис, согласно которому за человеком должно быть зарезервировано право на вмешательство в процессы выработки алгоритмических решений, в особенности в тех областях, которые затрагивают фундаментальные права и свободы. Обозначенная позиция, как представляется автору настоящей работы, имеет ключевое значение для определения допустимых пределов

передачи профессиональных функций алгоритмам. Значительный вклад в разработку проблематики защиты прав человека в цифровом пространстве вносят исследования Т. А. Поляковой [10], в которых подвергаются анализу новые вызовы информационной безопасности и предлагаются пути их правового регулирования. Ученый обращает внимание на то, что цифровая среда порождает ранее неизвестные формы угроз человеческому достоинству и автономии личности, требующие адекватного правового реагирования. В данных обстоятельствах существенно возрастает роль юриста как защитника прав человека в трансформировавшихся технологических условиях. Нельзя обойти вниманием и работы Е. В. Алферовой [11], посвященные цифровым правам человека и их месту в архитектуре правового регулирования. Автором убедительно обосновывается, что формирование цифрового измерения прав человека отнюдь не упраздняет традиционные правовые ценности, но настоятельно требует их новой интерпретации сообразно изменившимся технологическим реалиям. Подобная теоретическая установка, с точки зрения автора настоящей публикации, создает необходимые предпосылки для понимания векторов трансформации профессиональной этики юриста, которая призвана сохранить свою ценностную основу в изменившихся условиях.

Осмысление деонтологических вызовов цифровой эпохи было бы неполным без обращения к тем нормативным и стратегическим документам, которые формируют институциональные рамки для взаимодействия человека и алгоритмических систем. В этом смысле особого внимания заслуживает принятая в сентябре 2024 года Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте и правах человека, демократии и верховенстве права [12]. Данный документ, открытый для подписания государствами-членами и неевропейскими странами, представляет собой первый юридически обязывающий международный договор в сфере искусственного интеллекта. Его ключевое значение для деонтологии юриста заключается в том, что конвенция последовательно проводит принцип, согласно которому деятельность в рамках жизненного цикла систем ИИ должна осуществляться с уважением к человеческому достоинству, автономии личности и принципу недискриминации. Особую ценность представляет требование обеспечения подотчетности за неблагоприятные последствия, которые алгоритмические системы могут иметь для осуществления прав человека. Тем самым на международно-правовом уровне закрепляется та самая недопустимость размывания персональной ответственности, о которой говорилось ранее.

Показательно, что сходные ценностные ориентиры прослеживаются и в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, принятой в марте 2024 года и посвященной использованию безопасных и заслуживающих доверия систем искусственного интеллекта в целях устойчивого развития [13]. В данном документе содержится прямой призыв к государствам-членам воздерживаться от применения систем ИИ, которые невозможно эксплуатировать в соответствии с международным правом прав человека или которые создают неоправданные риски для осуществления этих прав. Такая постановка вопроса задает важнейший ориентир для юридической профессии, поскольку именно на юриста возлагается миссия по идентификации тех ситуаций, в которых алгоритмическое вмешательство перестает быть нейтральным инструментом и превращается в угрозу человеческому достоинству.

Принципиальное значение для определения допустимых пределов алгоритмизации юридически значимых действий приобретают нормы Регламента Европейского союза об искусственном интеллекте, обретшего юридическую силу в августе 2024 года [14]. В

первую очередь обращают на себя внимание те предписания данного акта, которыми вводится нормативный запрет на эксплуатацию систем искусственного интеллекта, сопряженных с неприемлемым уровнем риска. К таковым, в частности, отнесены системы, спроектированные таким образом, что они используют уязвимости отдельных лиц или групп, обусловленные возрастом, инвалидностью либо экономическим положением последних. Показательной в плане поиска компромисса между технологическим развитием и охраной основополагающих прав человека представляется и норма, обязывающая государства-члены к августу 2026 года создать национальные регуляторные «песочницы» для апробации высокорисковых систем ИИ. С точки зрения профессиональной деонтологии юриста, по мнению автора публикации, данные регуляторные установки ценны тем, что они задают те сферы правоприменения, где замена человеческого суждения алгоритмическим была бы равнозначна подрыву самих устоев правопорядка.

В рамках отечественной правовой действительности нельзя обойти вниманием приказ Росстандарта от 20 ноября 2025 года [15], утвердивший национальный стандарт ГОСТ Р 72392-2025, посвященный технологиям искусственного интеллекта в образовании. Хотя данный документ имеет прямое отношение прежде всего к организации приемных кампаний в магистратуру, он симптоматичен как свидетельство институционализации ИИ-технологий в той сфере, которая непосредственно связана с подготовкой будущих юристов. Сам факт появления такого стандарта подтверждает, что процессы машинной алгоритмизации проникают в самые основы формирования профессионального правосознания, и это обстоятельство не может игнорироваться при разработке деонтологических требований к юридическому образованию.

Существенное значение для понимания векторов развития нормативного регулирования имеют также документы, находящиеся в стадии разработки. В связи с этим следует упомянуть планируемый к представлению в 2026 году специализированный стандарт безопасной разработки систем искусственного интеллекта, который ФСТЭК России готовит для обсуждения экспертным сообществом [16]. Данный стандарт призван дополнить действующие нормы с учетом специфических рисков, связанных с обучением и функционированием моделей машинного обучения, включая так называемые уязвимости, порождаемые использованием «промптов». Для юридической деонтологии значимость подобных документов определяется тем, что они формируют нормативную среду, в которой будет осуществляться взаимодействие юриста с алгоритмическими системами, и задают критерии оценки надежности этих систем.

Не менее важен и приказ ФСТЭК России № 117 [17], вступающий в силу с 1 марта 2026 года и устанавливающий новые требования к информационной безопасности государственных информационных систем, включая обязательный контроль достоверности ответов искусственного интеллекта и запрет на использование облачных решений для обработки критически важной информации. Данные требования, по мнению автора публикации, формируют принципиально иную среду для внедрения систем искусственного интеллекта в государственном секторе, где правоприменительная деятельность юриста сопряжена с повышенной ответственностью за принимаемые решения. Контроль достоверности алгоритмических выводов из технической проблемы превращается в проблему деонтологическую, поскольку именно на юриста возлагается бремя проверки тех результатов, которые предлагает алгоритм.

Весьма показательным представляется обращение к зарубежным источникам, позволяющее существенно обогатить представления о модификации профессионально-этических ориентиров юриста под влиянием технологических сдвигов. В

связи с этим нельзя обойти вниманием доклад, подготовленный целевой группой Американской ассоциации юристов по вопросам права и искусственного интеллекта и обнародованный в декабре 2025 года [18]. В указанном документе представлен развернутый анализ воздействия генеративных технологий (систем искусственного интеллекта) на юридическую профессию. Наибольший интерес с точки зрения задач настоящего исследования вызывают сформулированные разработчиками рекомендации, акцентирующие необходимость сохранения человеческого контроля над алгоритмическими системами и принципиальную недопустимость передачи судебных функций искусственному интеллекту. В отчете особо подчеркивается, что носителем судебной власти всегда остается конкретный судья, но отнюдь не алгоритмическая система, и никакие технологические усовершенствования не могут поколебать этот основополагающий постулат. Данная позиция, по мнению автора, обнаруживает очевидное созвучие с обосновываемой идеей необходимости удержания человеческого присутствия в праве.

Эмпирические данные, проливающие свет на реальное состояние дел в области этической готовности юридического сообщества к внедрению ИИ, содержатся в исследовании Bloomberg Law “Path to Practice” [19], проведенном в конце 2025 года. Согласно полученным результатам, лишь около сорока процентов студентов-юристов оценивают свою компетентность в работе с генеративным искусственным интеллектом как достаточную, что сопоставимо с уровнем их подготовки в области консультирования клиентов. При этом примерно шестьдесят процентов опрошенных студентов и практикующих юристов полагают, что способны ответственно использовать ИИ для решения отдельных юридических задач. Однако наиболее востребованным навыком, ожидаемым от начинающих юристов, работодатели называют способность проверять сгенерированные ИИ материалы на предмет достоверности и отсутствия галлюцинаций (багов, недостоверной информации) [20]. Такие эмпирические наблюдения убедительно подтверждают тезис о том, что в новой технологической реальности критическая рефлексия по отношению к алгоритмическим системам становится не дополнительным, а базовым требованием профессиональной компетентности и этической состоятельности юриста. Как следствие, формирование такой способности должно стать неотъемлемой частью юридического образования, поскольку без нее невозможна реализация той ответственной позиции, о которой говорилось выше.

Зарубежная доктрина также показывает высокую степень вовлеченности в осмысление деонтологических проблем юридической профессии, детерминированных цифровой трансформацией. Среди множества исследовательских коллективов и тематических направлений особого внимания, безусловно, заслуживает проект TECHNO-IUS, реализуемый на базе юридического факультета Университета Риеки под руководством профессора И. Кунды [21]. Данный проект, получивший финансирование от Европейского союза, фокусируется на комплексе правовых и этических последствий, порождаемых дегуманизацией правосудия и публичного администрирования под воздействием правовых технологий. Исходная посылка исследовательской группы представляется весьма плодотворной: дегуманизация отнюдь не исчерпывается случаями полностью автоматизированного принятия решений. Она способна проникать в правовую материю более тонко и имплицитно – через трансформацию властных отношений, деперсонализацию коммуникативных практик и размывание механизмов подотчетности участников юридического процесса. Подобный

угол зрения позволяет идентифицировать риски утраты человеческого измерения там, где при поверхностном анализе они остаются неразличимыми.

Значительный интерес представляют работы, посвященные концептуализации цифрового достоинства как ключевой категории для понимания взаимодействия человека и технологии в правовой сфере. В этом контексте следует особо выделить исследование Дж. К. Кумпе и С. Райли [22], опубликованное в журнале *Law, Technology and Humans*. Авторы предлагают различать достоинство-состояние и достоинство-статус, что позволяет более тонко анализировать то, как цифровые технологии по-разному воздействуют на различные измерения человеческого бытия. Они убедительно показывают, что достоинство может служить мощным критическим понятием, позволяющим ставить вопросы как на макроуровне легитимности правовых институтов, так и на микроуровне повседневного опыта взаимодействия человека с алгоритмическими системами. Фундаментальный труд под редакцией Т. Паюсте [23], посвященный правам человека в цифровой сфере, объединяет ведущих европейских исследователей, работающих на пересечении права, этики и технологий. В этом коллективном труде особый интерес представляют разделы, посвященные тому, как цифровизация изменяет применение прав человека и как право должно отвечать на вызовы цифровых технологий. Авторы обоснованно указывают на то, что традиционные правовые механизмы не всегда адекватны новым формам угроз человеческому достоинству и автономии, порождаемым алгоритмическими системами.

Проблема алгоритмической дегуманизации получила глубокую проработку в систематическом обзоре литературы, выполненном М. Шульцем [24]. Исследователь предлагает определение алгоритмической дегуманизации как акта использования алгоритмов и данных способом, который приводит к намеренному или непреднамеренному обращению с индивидами и группами как с не вполне людьми, нарушая тем самым права человека, включая свободу, равенство и достоинство. Предложенная автором модель предотвращения дегуманизации представляет несомненную ценность для разработки практических рекомендаций в сфере правового регулирования и корпоративного управления. В трудах М. Пуцель и Р. Бохинца [25], посвященным балансированию прав человека, социальной ответственности и цифровой этики, представлен широкий спектр подходов к осмыслению этических дилемм цифровой эпохи. Особого внимания заслуживает библиометрический анализ исследований по цифровой этике и правам человека, позволяющий увидеть основные тенденции развития этой проблематики в современной науке.

В ряду исследований, сформировавших современные представления о соотношении права, технологического развития и ценности человеческой личности, нельзя не выделить несколько фундаментальных трудов. Прежде всего, заслуживает внимания работа Н. Джервассиса [26], посвященная феномену дегуманизации права. Хотя со времени ее выхода в свет минуло уже более десяти лет, поднятые автором вопросы отнюдь не утратили остроты. В центре его размышлений – тезис о постепенном размывании связи между законодательством, регламентирующим поведение в онлайн-среде, и теми основополагающими принципами охраны человеческого достоинства, которые, собственно, и служили историческим фундаментом легитимации западных либеральных демократий. Не менее существенный вклад в осмысление философско-антропологических аспектов профессиональной этики юриста вносят изыскания Б. Шипперса [27], сфокусированные на проблематике личностной автономии в контексте алгоритмического управления. Исследователь убедительно демонстрирует,

что применение поведенческого профилирования и технологий алгоритмического убеждения современными системами искусственного интеллекта открывает беспрецедентные возможности для блокирования или направленного искажения процессов принятия решений индивидами, что, по сути, следует квалифицировать как экзистенциальное посягательство на человеческое самоопределение.

Наконец, в контексте исследуемой проблемы нельзя не упомянуть работы Т. Паюсте и Ш. М. Черкич [28], посвященные гендерным аспектам взаимодействия права и технологий, в которых показывается, что алгоритмические системы могут воспроизводить и усиливать существующие формы дискриминации, создавая дополнительные угрозы для достоинства уязвимых групп. Следует также отметить вклад исследователей, работающих в русле феноменологической традиции и акцентирующих внимание на том, как алгоритмические системы трансформируют сам способ присутствия человека в правовой реальности. Такие исследования, по мнению автора публикации, позволяют увидеть, что дегуманизация права происходит не только на уровне институциональных механизмов, но и на уровне повседневного опыта взаимодействия человека с правовыми институтами.

На сегодняшний день в ряде работ предпринимаются попытки концептуализации новых этических принципов, которые должны прийти на смену традиционным деонтологическим кодексам или дополнить их. Особый интерес представляют попытки Э. Христодулу и К. Иордану [29] сформулировать право на алгоритмическую автономию как ответ на возрастающую асимметрию между человеческим принятием решений и машинно-управляемым поведенческим дизайном. Нельзя обойти вниманием критические исследования М. Хильдебрандт [30], в которых ставится под сомнение сама возможность сохранения человеческого измерения права в условиях тотальной алгоритмизации. Авторы этих работ, не впадая в технологический детерминизм, обоснованно указывают на серьезность рисков, с которыми сталкивается правовая система, и на необходимость принципиальной переоценки многих, казавшихся незыблемыми, оснований юридического мышления.

Завершая аналитическую часть настоящего исследования, отметим, что в целом анализ отечественной и зарубежной литературы свидетельствует о формировании устойчивого исследовательского поля, в центре внимания которого находится проблема сохранения человеческого измерения правовой реальности в условиях стремительной цифровой трансформации. При этом сохраняется значительный простор для дальнейших исследований, особенно в части концептуализации трансформации профессиональной деонтологии юриста и выработки практических рекомендаций для юридического образования и юридической практики.

Методологическая база исследования / Methodological base of the research

Теоретический характер настоящего исследования обуславливает выбор соответствующих методологических подходов, позволяющих осуществить комплексное исследование трансформации этических императивов профессиональной деятельности юриста в цифровую эпоху. Основу методологической базы составляет междисциплинарный подход, интегрирующий достижения юридической науки, философской этики и философии технологии. Такая междисциплинарность представляется не просто желательной, но необходимой, поскольку сама проблематика деонтологии юриста в условиях цифровой трансформации правовой деятельности располагается

на пересечении различных дисциплинарных полей и не может быть адекватно осмыслена в рамках какой-либо одной научной доктрины.

Существенное значение для данного исследования имеет герменевтический подход, ориентированный на истолкование смысловых трансформаций базовых деонтологических категорий в новом цифровом контексте. Традиционные понятия профессиональной этики юриста: долг, ответственность, беспристрастность, независимость – обретают сегодня новое звучание, и герменевтический анализ позволяет выявить те фундаментальные смысловые сдвиги, которые происходят в процессе их адаптации к изменившимся условиям профессиональной деятельности юриста.

Аксиологический подход, ориентированный на выявление ценностных оснований юридической профессии, позволяет удерживать в поле зрения то обстоятельство, что деонтология юриста не сводится к набору формальных правил и запретов, но выражает определенное понимание социально полезной миссии юридической профессии и ее роли в обеспечении прав и законных интересов. В условиях цифровой трансформации особенно важно сохранить понимание того, что право служит человеку, а не человек – праву и что никакие технологические усовершенствования не могут отменить этой фундаментальной аксиологической установки.

Феноменологический подход, ориентированный на описание того, как цифровые технологии трансформируют сам способ присутствия юриста в профессиональной реальности, позволяет увидеть деонтологическую проблематику не только в категориях должностования, но и в категориях бытия. Вопрос о том, что значит быть юристом в эпоху, когда многие традиционные функции юридической профессии могут быть переданы машинным алгоритмам, имеет не только этическое, но и экзистенциальное измерение, требующее соответствующей методологической рефлексии.

Результаты исследования / Research results

В результате всестороннего изучения данных, полученных в ходе проведенного исследования, и их систематизации автором были сформулированы следующие ключевые выводы, отражающие основные закономерности и тенденции, выявленные в рамках изучаемой проблематики.

1. Осмысление деонтологии юриста в цифровую эпоху приводит к выводу о том, что мы являемся свидетелями не просто частичной корректировки отдельных этических норм, но глубинной трансформации самой структуры профессиональной деятельности. Традиционная деонтология юриста строилась вокруг идеи служения – праву, справедливости, общественному благу. Такое служение предполагало определенную дистанцию по отношению к ситуативным обстоятельствам, способность возвыситься над непосредственными интересами и руководствоваться универсальными принципами. Цифровая эпоха вносит в эту структуру существенные изменения, связанные прежде всего с тем, что алгоритмические системы начинают претендовать на ту самую беспристрастность и универсальность, которые традиционно считались прерогативой человеческого суждения.

2. Парадоксальным образом алгоритмы, созданные как инструменты реализации человеческих целей, начинают выступать в роли конкурентов человеку в той сфере, которая всегда считалась его исключительным достоянием, – в сфере принятия ответственных решений, затрагивающих судьбы других людей. Юрист, делегирующий алгоритму право формулировать правовую позицию или даже принимать

решение, неизбежно сталкивается с вопросом о том, где проходит граница между допустимым использованием технологии и недопустимым отказом от собственной профессиональной ответственности.

3. Риски дегуманизации юридической профессии, порождаемые цифровой трансформацией, имеют сложную природу и проявляются на различных уровнях профессиональной деятельности. Наиболее очевидный и часто обсуждаемый риск связан с утратой эмпатической составляющей юридической практики. Способность понять другого человека, войти в его положение, почувствовать уникальность его жизненной ситуации всегда составляла важнейшее измерение юридической деятельности, особенно в тех ее областях, которые непосредственно связаны с человеческими судьбами – в уголовном правосудии, в семейном праве, в защите прав уязвимых социальных групп. Машинные алгоритмы, при всех их впечатляющих возможностях по обработке информации, не способны к эмпатии в подлинном смысле этого слова. Они могут моделировать эмпатические реакции, но не могут переживать их. Замена человеческого суждения алгоритмическим решением в тех ситуациях, где требуется понимание уникальной человеческой ситуации, означает не просто технологическую модернизацию, но качественное изменение самой природы правоприменения.

4. Другой, менее очевидный, но не менее существенный риск связан с размыванием персональной ответственности юриста за результаты его профессиональной деятельности. В традиционной модели юридической профессии ответственность носила ярко выраженный персональный характер: судья принимал решение и нес за него ответственность, адвокат защищал интересы доверителя и отвечал за качество этой защиты. Внедрение алгоритмических систем создает соблазн разделить ответственность между человеком и машиной, переложить часть бремени на безличный алгоритм. Однако ответственность, в отличие от решения, не подлежит делегированию. Она либо остается на человеке, либо исчезает вовсе, уступая место безответственности, прикрывающейся ссылками на объективность алгоритмических вычислений.

5. Особого внимания заслуживает риск подмены профессионального суждения юриста алгоритмическим решением, выдаваемым за более объективное и точное. Современные алгоритмические системы демонстрируют впечатляющие результаты в прогнозировании судебных решений, в анализе судебной практики, в оценке доказательств. Однако всякое алгоритмическое решение опирается на те данные, которые были заложены в него разработчиками, и на те критерии, которые были ими выбраны. За видимостью объективности всегда скрываются чьи-то субъективные предпочтения, чьи-то представления о том, что считать правильным, чьи-то ценностные установки. Юрист, некритически принимающий алгоритмические рекомендации, рискует стать не самостоятельным субъектом профессиональной деятельности, а проводником чужих ценностей, замаскированных под научную объективность.

6. Воздействие цифровых технологий на этическую составляющую юридической профессии, как справедливо отмечается в аналитической части исследования, отнюдь не исчерпывается совокупностью рисков и потенциальных угроз. Подобная трактовка была бы неполной, ибо алгоритмизация и автоматизация способны предоставить инструментарий для усиления традиционных профессиональных ценностей. Так, алгоритмический контроль за единообразием судебной практики потенциально способен укрепить беспристрастность правосудия; автоматизация рутинных процедур открывает путь к расширению доступности юридической помощи; алго-

ритмический мониторинг, в свою очередь, может повысить прозрачность правоприменительных процессов. Принципиальным условием, однако, выступает то, чтобы обретение названных преимуществ не сопровождалось утратой того гуманистического измерения права, благодаря которому оно остается не просто управленческой технологией, но явлением культуры и способом человеческого бытия.

7. Принципиальное значение обретает проблема поддержания критической рефлексии по отношению к алгоритмическим системам, функционирующим в правовом поле. Профессионал, интегрированный в цифровую среду, обязан сохранять способность усомниться в рекомендациях, генерируемых машиной, подвергнуть проверке полученные выводы и соотнести их с собственным пониманием конкретной правовой ситуации, основанным на опыте и знании. Эта необходимая критическая дистанция по отношению к используемым технологическим инструментам, как подчеркивается автором публикации, является одним из решающих условий сохранения человеческого, личностного начала в юридической деятельности. В отсутствие таковой дистанции юрист рискует утратить субъектность, превратившись в функциональное дополнение алгоритмической системы и лишившись тем самым способности к автономному суждению, а значит – и к подлинной профессиональной ответственности.

8. Формирование нового этического императива, который можно было бы назвать императивом сохранения человеческого присутствия в праве, становится сегодня насущной задачей профессиональной деонтологии. Данный императив не отменяет традиционных требований профессиональной этики, но дополняет их осознанием того, что в условиях цифровой трансформации само человеческое измерение юридической деятельности нуждается в целенаправленной защите и культивировании. Сохранение способности к эмпатии, готовность принимать решения в ситуациях неопределенности, ответственность за те последствия, которые не могут быть просчитаны алгоритмически, – все эти качества обретают сегодня новое ценностное звучание.

Заключение / Conclusion

Размышляя о судьбе юридической профессии в цифровую эпоху, нельзя избавиться от ощущения, что мы присутствуем при поворотном моменте в истории права. На протяжении столетий право развивалось как глубоко «человеческое предприятие», в котором главным действующим лицом оставался человек – законодатель, судья, адвокат, юрист. Однако цифровая трансформация ставит под вопрос эту антропоцентрическую модель, предлагая взамен модель алгоритмическую, в которой человеку отводится роль оператора, контролера, а в пределе – простого наблюдателя за автоматически разворачивающимися правовыми процедурами.

Принять эту модель или противостоять ей – вопрос не технологический и даже не политический, но прежде всего этический. Он касается самого понимания того, что такое право и для чего оно существует в человеческом обществе. Если право понимать как инструмент социального управления, оптимизации общественных отношений, достижения максимальной эффективности, то алгоритмизация права предстает естественным и желательным продолжением его развития. Если же право понимать как способ человеческого существования, форму культурной идентичности, средство защиты человеческого достоинства, то машинная алгоритмизация оказывается угрозой, требующей осмысленного противостояния.

Представляется, что истина лежит где-то посередине, но эта середина не есть простая сумма крайностей. Сохранение человеческого измерения права в условиях

цифровой трансформации не означает отказа от технологий или их «демонизации». Оно означает выработку такого способа взаимодействия человека и машинного алгоритма, при котором технология остается инструментом, а человек – целью. Это требует от юридического сообщества не только освоения новых технологических компетенций, но и развития способности к этической рефлексии, к ценностному самоопределению в быстро меняющемся мире.

Подготовка юристов в сложившихся условиях, по убеждению автора, должна быть подвергнута фундаментальному переосмыслению. Формирование классического набора профессиональных знаний и навыков отныне выступает лишь необходимым, но отнюдь не достаточным условием. На передний план выходит задача развития у будущих юристов способности критически оценивать технологические новации, давать этическую квалификацию работе алгоритмических систем и, что, вероятно, самое существенное, – обеспечивать сохранение человеческого участия в тех областях, где машинные алгоритмы объективно стремятся его минимизировать. Следовательно (и это необходимо подчеркнуть), юрист новой формации – это не просто квалифицированный пользователь цифровых инструментов, а носитель ценностного правосознания, способный отстаивать гуманистическое измерение права перед лицом технологического детерминизма.

В более широкой перспективе контуры дальнейшей разработки заявленной проблематики видятся в необходимости предметной конкретизации двух взаимосвязанных комплексов требований. Во-первых, речь идет об этических императивах, которым должны удовлетворять алгоритмические системы, внедряемые в юридическую практику. Во-вторых, требуется детальное описание компетенций, подлежащих целенаправленному формированию у обучающихся, дабы обеспечить ответственное взаимодействие выпускника с подобными системами. Отдельного исследовательского внимания заслуживает проблематика выработки дидактических методик, позволяющих органично соединить технологическую подготовку с этическим воспитанием, транслируя обучающимся не только формализованное знание, но и ценностные ориентиры, не только профессиональные умения, но и способность к самостоятельному нормативному суждению.

В конечном итоге, в более широком философско-правовом контексте, мы ведем речь о сохранении права как сугубо человеческого феномена, как неотъемлемой формы культурного бытия человека и важнейшего инструмента защиты его личностного достоинства. Цифровая эпоха, бесспорно, создает множество новых вызовов для правовой системы, однако она не упраздняет ее глубинной телеологической установки – служить человеку, гарантировать его свободу и охранять его достоинство. В этом смысле именно профессиональная деонтология юриста призвана сегодня выступить тем нормативным компасом, который позволит удерживать ценностные основания юридической профессии.

Ссылки на источники / References

1. Коваль Е. А., Мартынова М. Д. Трансформация моральных норм и ценностей в эпоху больших данных // Этическая мысль. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 105–119. DOI: 10.21146/2074-4870-2024-24-2-105-119.
2. Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учеб. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Проспект, 2016. – 832 с.
3. Честнов И. Л. История и методология юридической науки: учеб. для студ. высш. учеб. завед., обучающихся по направлениям подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» (квалификация (степень) «магистр»). – М.: ИНФРА-М, 2018. – 281, [1] с.
4. Красс В. И. Теория конституционного правопользования. – М.: НОРМА, 2007. – 751 с.

5. Евстратов А. Э., Гученков И. Ю. Ограничение прав человека в эпоху цифровизации (постановка проблемы) // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2023. – Т. 20, № 4. – С. 15–23. DOI: 10.24147/1990-5173.2023.20(4).15-23.
6. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект. – 3-е изд., перераб. и доп. – Sarbrücken: LAP LAMBERT, 2012. – 363 с. EDN QZEKEZ.
7. Денисенко В. В. Доверие как фактор легитимации закона в условиях цифрового государства // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2021. – № 3. – С. 25–29. DOI: 10.22394/2686-7834-2021-3-25-29. EDN: WDMZYJ.
8. Моисеев С. В. Философия права: курс лекций. – Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2003. – 203 с.
9. Осипов Д. П. Искусственный интеллект как объект правового регулирования // Российское право онлайн. – 2023. – № 3. – С. 11–24. DOI: 10.17803/2542-2472.2023.27.3.011-024. EDN: DEJNZG.
10. Полякова Т. А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14. – М., 2008. – 38 с.
11. Алферова Е. В. Новые векторы развития международной системы прав человека в цифровую эпоху // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 203–216. DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.16.
12. Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте и правах человека, демократии и верховенстве права (CETS No. 225): принята 17 мая 2024 года в Вильнюсе: [русский перевод] // Совет Европы. – Страсбург, 2024. – 24 с. – URL: <https://rm.coe.int/>
13. Использование безопасных, защищенных и заслуживающих доверия систем искусственного интеллекта в целях устойчивого развития: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 21 марта 2024 года № A/RES/78/265. – Нью-Йорк: ООН, 2024. – 12 с. – URL: <https://undocs.org/>
14. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. – 2024. – L 1689. – P. 1–144. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/>
15. Об утверждении национального стандарта Российской Федерации ГОСТ Р 72392-2025 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Общие требования к проведению приемных кампаний в магистратуру»: приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 20 ноября 2025 г. № 1423-ст // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/>
16. О разработке специализированного стандарта безопасной разработки систем искусственного интеллекта: информация Федеральной службы по техническому и экспортному контролю: [сообщение для прессы от 15 января 2026 г.] // Официальный сайт ФСТЭК России. – URL: <https://fstec.ru/>
17. Федеральная служба по техническому и экспортному контролю. Приказ № 117 от 11 апреля 2025 г. «Об утверждении Требований о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, иных информационных системах государственных органов, государственных унитарных предприятий, государственных учреждений»: зарегистрирован в Минюсте России 16 июня 2025 г. № 82619.
18. Legal Tech Blog. (2023, September 3). ABA Forms Task Force to Study Impact of AI on The Legal Profession. – URL: <https://legal-tech.blog/aba-forms-task-force-to-study-impact-of-artificial-intelligence-on-the-legal-profession>
19. Losey R. Survey Shows Legal Research is the Most Common Use of Generative AI by Lawyers: A short, ‘almost funny’ report on a Bloomberg Law survey // e-Discovery Team. – 2024. – URL: <https://e-discovery-team.com/2024/08/23/survey-shows-legal-research-is-the-most-common-use-of-generative-ai-by-lawyers-a-short-almost-funny-report-on-a-bloomberg-law-survey/>
20. Bloomberg Law. (2025, December 16). Artificial intelligence in law and legal practice. Retrieved March 1, 2026. URL: <https://pro.bloomberglaw.com/insights/technology/ai-in-legal-practice-explained/>
21. Kunda I. Legal and Ethical Implications of the Dehumanisation of the Justice and Public Administration through Legal Technology [Project description] // Pravni fakultet u Rijeci / Faculty of Law Rijeka. – 2025. – Retrieved March 1, 2026. – URL: <https://pravri.uniri.hr/en/project/legal-and-ethical-implications-of-the-dehumanisation-of-the-justice-and-public-administration-through-legal-technology/>
22. Kumtepe C., Riley S. Digital Dignity: The Shibboleth of Digitalization in Europe? // Law, Technology and Humans. – 2024. – *6*. P. 156–169. – URL: <https://doi.org/10.5204/lthj.3547>
23. Human Rights in the Digital Domain: Core Questions / ed. T. Pajuste. – Cambridge University Press, 2025. – URL: <https://www.cambridgebookshop.co.uk/products/human-rights-in-the-digital-domain>
24. Schultz M. D., Clegg M., Hofstetter R., Seele P. Algorithms and dehumanization: A definition and avoidance model // AI and Society. – 2025. – *40*(4). – P. 2191–2211.
25. Balancing Human Rights, Social Responsibility, and Digital Ethics / M. Pucelj, R. Bohinc. – IGI Global Scientific Publishing, 2024. – URL: <https://doi.org/10.4018/979-8-3693-3334-1>

26. Gervassis N. The Dehumanisation of Law: Digital Reflections // *European Journal of Law and Technology*. – 2012. – *3*(3). – URL: <https://ejlt.org/index.php/ejlt/article/view/102>
 27. Just AI? Gender, power, and intersectional discrimination // *Artificial Intelligence and Work: Transforming Work, Organizations, and Society in an Age of Insecurity* / eds. J. Bratton, L. Steele. – SAGE Publications Ltd. 2025. – URL: <https://pureportal.strath.ac.uk/en/publications/just-ai-gender-power-and-intersectional-discrimination/>
 28. Pajuste T., Maslo Čerkić Š., Badurova B. et al. Specific Threats to Human Rights Protection from the Digital Reality: International Responses and Recommendations to Core Threats from the Digitalised World, 2022. – URL: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.17192.85760>
 29. Christodoulou E., Iordanou K. Democracy Under Attack: Challenges of Addressing Ethical Issues of AI and Big Data for More Democratic Digital Media and Societies // *Frontiers in Political Science*. – 2021. – *3*. – P. 682945. – URL: <https://doi.org/10.3389/fpos.2021.682945>
 30. Hildebrandt M. Law for Computer Scientists and Other Folk. – Oxford University Press, 2020. – URL: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198860877.001.0001>
-
1. Koval', E. A., & Martynova, M. D. (). "Transformaciya moral'nyh norm i cennostej v epohu bol'shih dannyh" [Transforming Moral Norms and Values in the Age of Big Data], *Eticheskaya mysl'*, 2024, t. 24, № 2, pp. 105–119. DOI: 10.21146/2074-4870-2024-24-2-105-119 (in Russian).
 2. Polyakov, A. V. (2016). *Obshchaya teoriya prava: problemy interpretatsii v kontekste kommunikativnogo podhoda* [General Theory of Law: Problems of Interpretation in the Context of the Communicative Approach]: ucheb. Izd. 2-e, ispr. i dop, Prospekt, Moscow, 832 p. (in Russian).
 3. Chestnov, I. L. (2018). *Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki* [History and methodology of legal science]: ucheb. dlya stud. vyssh. ucheb. zaved., obuchayushchihsya po napravleniyam podgotovki 40.04.01 "Yurisprudentsiya" (kvalifikatsiya (stepen') "magistr"), INFRA M, Moscow, 281, [1] p. (in Russian).
 4. Kruss, V. I. (2007). *Teoriya konstitucionnogo pravopol'zovaniya* [Theory of constitutional law enforcement], NORMA, Moscow, 751 p. (in Russian).
 5. Evstratov, A. E., & Guchenkov, I. Yu. (2023). "Ogranichenie prav cheloveka v epohu cifrovizatsii (postanovka problemy)" [Restriction of human rights in the digital age (problem statement)], *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"*, t. 20, № 4, pp. 15–23. DOI: 10.24147/1990-5173.2023.20(4).15-23 (in Russian).
 6. Mal'ko, A. V. (2012). *Stimuly i ogranicheniya v prave: teoretiko-informatsionnyy aspekt* [Incentives and restrictions in law: the theoretical and informational aspect], 3-e izd., pererab. i dop, LAP LAMBERT, Sarbrücken, 363 p. EDN QZEKEZ (in Russian).
 7. Denisenko, V. V. 2021 (). "Doverie kak faktor legitimatsii zakona v usloviyakh cifrovogo gosudarstva" [Trust as a factor in the legitimization of law in a digital state], *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya*, № 3, pp. 25–29. DOI: 10.22394/2686-7834-2021-3-25-29. EDN: WDMZYJ.
 8. Moiseev, S. V. *Filosofiya prava: kurs lekcij* [Philosophy of Law: Lecture Course], Novosibirsk: Sibirskoe universitetskoe izdatel'stvo, 2003, 203 s. (in Russian).
 9. Osipov, D. P. (2023). "Iskusstvennyy intellekt kak ob'ekt pravovogo regulirovaniya" [Artificial intelligence as an object of legal regulation], *Rossiyskoe pravo onlajn*, № 3, pp. 11–24. DOI: 10.17803/2542-2472.2023.27.3.011-024. EDN: DEJNZG (in Russian).
 10. Polyakova, T. A. (2008). *Pravovoe obespechenie informatsionnoy bezopasnosti pri postroenii informatsionnogo obshchestva v Rossii* [Legal support for information security in building an information society in Russia]: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.14, Moscow, 38 p. (in Russian).
 11. Alferova, E. V. (2024). "Novye vektory razvitiya mezhdunarodnoy sistemy prav cheloveka v cifrovuyu epohu" [New development vectors of the international human rights system in the digital age], *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4, Gosudarstvo i pravo*, № 4, pp. 203–216. DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.16 (in Russian).
 12. (2024). "Ramochnaya konvenciya Soveta Evropy ob iskusstvennom intellekte i pravah cheloveka, demokratii i verhovenstve prava (CETS No. 225): prinyata 17 maya 2024 goda v Vil'nyuse [Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No. 225): adopted on 17 May 2024 in Vilnius]: [russkij perevod]", *Sovet Evropy*, Strasburg, 24 p. Available at: <https://rm.coe.int/> (in Russian).
 13. (2024). *Ispol'zovanie bezopasnyh, zashchishchennyh i zasluzhivayushchih doveriya sistem iskusstvennogo intellekta v celyah ustojchivogo razvitiya: rezolyutsiya General'noj Assamblei OON ot 21 marta 2024 goda № A/RES/78/265*, OON, N'yu-York [Safe, secure and trustworthy artificial intelligence systems for sustainable development: UN General Assembly resolution of 21 March 2024 No. A/RES/78/265. – New York: UN, 2024], 12 p. Available at: <https://undocs.org/> (in Russian).
 14. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act), *Official Journal of the European Union*, 2024, L 1689, P. 1–144. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/> (in English).

15. "Ob utverzhdenii nacional'nogo standarta Rossijskoj Federacii GOST R 72392-2025 "Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v obrazovanii. Obshchie trebovaniya k provedeniyu priemnyh kampanij v magistraturu": prikaz Federal'nogo agentstva po tekhnicheskemu regulirovaniyu i metrologii ot 20 noyabrya 2025 g. № 1423-st" [On approval of the national standard of the Russian Federation GOST R 72392-2025 "Artificial Intelligence Technologies in Education. General Requirements for Conducting Admissions Campaigns to Graduate School": Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated November 20, 2025 No. 1423-st], *Elektronnyj fond pravovyh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov*. Available at: <https://docs.cntd.ru/> (in Russian).
16. "O razrabotke specializirovannogo standarta bezopasnoj razrabotki sistem iskusstvennogo intellekta: informaciya Federal'noj sluzhby po tekhnicheskemu i eksportnomu kontrolyu [On the development of a specialized standard for the safe development of artificial intelligence systems: information from the Federal Service for Technical and Export Control]: [soobshchenie dlya pressy ot 15 yanvarya g.]", *Oficial'nyj sayt FSTEK Rossii*. Available at: <https://fstec.ru/> (in Russian).
17. *Federal'naya sluzhba po tekhnicheskemu i eksportnomu kontrolyu. Prikaz № 117 ot 11 aprelya 2025 g. "Ob utverzhdenii Trebovanij o zashchite informacii, sodержashchejsya v gosudarstvennyh informacionnyh sistemah, inyh informacionnyh sistemah gosudarstvennyh organov, gosudarstvennyh unitarnyh predpriyatij, gosudarstvennyh uchrezhdenij": zaregistrirovan v Minyuste Rossii 16 iyunya 2025 g. № 82619* [Federal Service for Technical and Export Control. Order No. 117 of April 11, 2025, "On Approval of Requirements for the Protection of Information Contained in State Information Systems, Other Information Systems of State Agencies, State Unitary Enterprises, and State Institutions": registered with the Ministry of Justice of Russia on June 16, 2025, No. 82619] (in Russian).
18. *Legal Tech Blog*. (2023, September 3). *ABA Forms Task Force to Study Impact of AI on The Legal Profession*. Available at: <https://legal-tech.blog/aba-forms-task-force-to-study-impact-of-artificial-intelligence-on-the-legal-profession> (in English).
19. Losey, R. (2024). "Survey Shows Legal Research is the Most Common Use of Generative AI by Lawyers: A short, 'almost funny' report on a Bloomberg Law survey", *e-Discovery Team*. Available at: <https://e-discovery-team.com/2024/08/23/survey-shows-legal-research-is-the-most-common-use-of-generative-ai-by-lawyers-a-short-almost-funny-report-on-a-bloomberg-law-survey/> (in English).
20. *Bloomberg Law* (2025, December 16), *Artificial intelligence in law and legal practice*. Retrieved March 1, 2026. Available at: <https://pro.bloomberglaw.com/insights/technology/ai-in-legal-practice-explained/> (in English).
21. Kunda, I. (2025). "Legal and Ethical Implications of the Dehumanisation of the Justice and Public Administration through Legal Technology [Project description]", *Pravni fakultet u Rijeci*, Faculty of Law Rijeka. Retrieved March 1, 2026. Available at: <https://pravri.uniri.hr/en/project/legal-and-ethical-implications-of-the-dehumanisation-of-the-justice-and-public-administration-through-legal-technology/> (in English).
22. Kumtepe, C., & Riley, S. (2024). "Digital Dignity: The Shibboleth of Digitalization in Europe?", *Law, Technology and Humans*, *6*, pp. 156–169. Available at: <https://doi.org/10.5204/lthj.3547> (in English).
23. Pajuste, T. (ed.). (2025). *Human Rights in the Digital Domain: Core Questions*, Cambridge University Press. Available at: <https://www.cambridgebookshop.co.uk/products/human-rights-in-the-digital-domain> (in English).
24. Schultz, M. D., Clegg, M., Hofstetter, R., & Seele, P. (2025). "Algorithms and dehumanization: A definition and avoidance model", *AI and Society*, *40*(4), pp. 2191–2211 (in English).
25. Pucelj, M., & Bohinc, R. (eds.). (2024). *Balancing Human Rights, Social Responsibility, and Digital Ethics*, IGI Global Scientific Publishing. Available at: <https://doi.org/10.4018/979-8-3693-3334-1> (in English).
26. Gervassis, N. (2012). "The Dehumanisation of Law: Digital Reflections", *European Journal of Law and Technology*, *3*(3). Available at: <https://ejlt.org/index.php/ejlt/article/view/102> (in English).
27. (2025). "Just AI? Gender, power, and intersectional discrimination", in Bratton, J. & Steele, L. (eds.). *Artificial Intelligence and Work: Transforming Work, Organizations, and Society in an Age of Insecurity*. SAGE Publications Ltd. Available at: <https://pureportal.strath.ac.uk/en/publications/just-ai-gender-power-and-intersectional-discrimination/> (in English).
28. Pajuste, T., Maslo Čerkić, Š., Badurova, B. et al. (2022). *Specific Threats to Human Rights Protection from the Digital Reality: International Responses and Recommendations to Core Threats from the Digitalised World*. Available at: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.17192.85760> (in English).
29. Christodoulou, E., & Iordanou, K. (2021). "Democracy Under Attack: Challenges of Addressing Ethical Issues of AI and Big Data for More Democratic Digital Media and Societies", *Frontiers in Political Science*, *3*, p. 682945. Available at: <https://doi.org/10.3389/fpos.2021.682945> (in English).
30. Hildebrandt, M. (2020). *Law for Computer Scientists and Other Folk*, Oxford University Press. Available at: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198860877.001.0001> (in English).